

Международная научная конференция памяти Николая Яковлевича Мерперта.
Москва, Институт археологии РАН, 11 сентября 2012 г.:
«Археологические исследования Северной Месопотамии и Северного Кавказа»

Осенью 2012 г. российское и мировое научное сообщество готовилось отметить 90-летие Николая Яковлевича Мерперта. К сожалению, этот замечательный человек, признанный патриарх российской археологии, не дожидаясь нескольких месяцев до своего юбилея.

В сентябре 2012 года по инициативе академиков РАН А. П. Деревянко и Вяч. Вс. Иванова на базе ИА РАН и РГГУ была проведена международная научная конференция памяти Н. Я. Мерперта. Многие российские специалисты по археологии, истории, лингвистике, антропологии, палеобиологии, а также коллеги из Европы, США и Сирии собрались, чтобы почтить память выдающегося ученого. Основные секции, работавшие на конференции, — «Археологические исследования Северной Месопотамии и Северного Кавказа» и «Проблемы прародины индоевропейцев», — непосредственно связаны с направлениями научной деятельности Николая Яковлевича.

Представляем обзор материалов первого дня конференции, с более подробным изложением содержания докладов, которые имеют отношение к индоевропейской проблематике.

Открытие конференции, проходившее 11 сентября 2012 года в Институте археологии РАН, где Николай Яковлевич проработал много десятилетий, началось с доклада Р. М. Мунчаева «Памяти Н. Я. Мерперта». Рауф Магомедович рассказал о семье, основных этапах жизненного пути и многогранной научной деятельности Николая Яковлевича, его умении жить и работать максимально интересно и с максимальной отдачей. Отмечалось, что своеобразный итог своей жизни Николай Яковлевич подвел, написав замечательную книгу воспоминаний, издание которой успело выйти при жизни автора: Н. Я. МЕРПЕРТ. *Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога.* М.: Таус, 2011. 384 с.

Конференция продолжилась докладом «Другая городская революция» Джорджо Буччеллати, ру-

ководителя экспедиции Калифорнийского университета, осуществляющей с середины 80-х гг. прошлого века исследования на Телле Мюзан в долине Хабур, в 7 км восточнее г. Амуда, Сирия. Культурный слой этого поселения (28 м) сформирован в основном отложениями III тыс. до н. э., верхняя часть датирована периодами Хабур и Нузи, т. е. первой половиной II тыс. до н. э. Выделяются окруженный крепостной стеной (высота 5 м) акрополь с дворцом правителя (Atea K) площадью около 20 га и внешний город. Общая площадь поселения — около 135 га. Телль Мюзан, наравне с Лейланом, Айлюном, Бейдарем, Асвадом, Чагар Базаром (внутренняя часть Хабурского треугольника) и Телль Браком, Хамукарком (в пограничном с Ассирийской степью районе) определяется как один из ранних протогородских центров Северной Месопотамии, по ряду причин появившихся приблизительно на 500 лет позже, чем первые города южной части Двуречья. Основываясь на полученных при раскопках материалах, в т. ч. глиптике с именами правителей, Дж. Буччеллати с коллегами уверенно идентифицирует Телль Мюзан как остатки города Уркеш, известного хурритского центра Верхнего Двуречья, который функционировал также в старовавилонский и митаннийский периоды. Доклад Мерилин Келли-Буччеллати был посвящен керамической коллекции Мюзана эпохи позднего халколита и ранней бронзы. В выступлении Федерико Буччеллати рассматривались политические границы города-государства Уркеш.

На дневном заседании Рауф Магомедович МУНЧАЕВ и Шахмардан Назимович АМИРОВ представили доклады «Некоторые результаты раскопок Телль Хазны I в Северо-Восточной Сирии» и «Телль Хазна и проблемы месопотамско-кавказских связей». Сирийские раскопки, начатые в 1988 г. экспедицией ИА АН СССР (ныне ИА РАН), стали логичным продолжением работ советской археологической миссии на иракской части Синджарской долины в

1969—1985 гг. Н. Я. Мерперт являлся одним из основных участников месопотамской экспедиции на всем протяжении ее существования, автором большинства публикаций, в том числе соавтором ряда монографий: Р. М. МУНЧАЕВ, Н. Я. МЕРПЕРТ. *Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке*. М., 1981; N. Y. MERPERT, R. M. MUNCHAEV, N. O. BADER. *Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization: Soviet Excavations in Northern Iraq* / N. Yoffee and J. J. Clark (eds.). University of Arizona Press. Tucson, 1993; Р. М. МУНЧАЕВ, Н. Я. МЕРПЕРТ, Ш. Н. АМИРОВ. *Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV—III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии*. М.: Палеограф, 2004.

В фокусе исследований российских археологов в Северо-Восточной Сирии вот уже четверть века находится многослойный памятник Телль Хазна I, расположенный в долине Хабура, в 25 км к востоку от г. Хасаке. Культурный слой этого поселения (высота холма 17 м, диаметр 150—200 м) относится главным образом к концу IV — первой половине III тыс. до н. э., т. е. к переходному от эпохи Убейда к Уруку и раннединастическому периодам этапу, если соотносить время его функционирования с южномесопотамской периодизацией. Анализ отлично сохранившейся монументальной архитектуры, а также всего комплекса полученных материалов дает основание считать Телль Хазну I эпохи первой половины III тыс. до н. э. культурно-административным центром округа. На сегодняшний день с использованием новейших методов компьютерного моделирования решается крайне важная для фиксации и понимания свидетельств памятника задача — полное воспроизведение в цифровом формате всех нюансов вскрытого на площади свыше 5000 квадратных метров культурного слоя Телль Хазны. Этот уникальный опыт 3D-моделирования масштабного археологического объекта был продемонстрирован собравшимся.

Доклад Р. М. МУНЧАЕВА и Ш. Н. АМИРОВА, посвященный рассмотрению месопотамско-кавказских связей IV—III тыс. до н. э., акцентировал внимание слушателей на межрегиональных торговых контактах, которые определялись, прежде всего, потребностью шумерских городов-государств в минеральном сырье, взаимных культурных влияниях, климатических изменениях и связанных с ними миграциях. Полученный к настоящему времени материал свидетельствует о том, что население Северной Месопотамии также имело собственные контакты с регионами севернее Тавра и восточнее Загроса. Материальная культура ряда исследован-

ных групп поселений степной зоны Азербайджана, Северо-Западного Ирана, в районах оз. Ван и Урмия идентична комплексам позднего халколита Северной Месопотамии, включая Телль Хазну I. За позднехалколитической культурой степной зоны Закавказья в Азербайджане закрепилось название лейлатепинской культуры. Она является частью обширного мира к северу от Джезиры: от западного берега Евфрата до оз. Урмия, и, вероятно, восточнее его, от гор Тавра и Загроса до Кавказа, испытывавшего влияние Северной Месопотамии. Большинство лейлатепинских сосудов лишено росписи и по своим морфологическим характеристикам сближается с северомесопотамской керамикой второй половины IV тыс. до н. э. Поселения с материальной культурой месопотамского облика тяготеют к степному ландшафту Закавказья, а в районах ближе к горному ландшафту они входят в контакт с куро-аракской культурой, распространенной в прикаспийской части Северного Азербайджана и Дагестана. Месопотамское влияние, спорадически отмеченное в слоях куро-аракских поселений вдоль подгорной полосы восточного Кавказа, представлено более выразительно в синхронных им памятниках майкопской культуры Северного Кавказа. Социум майкопской культуры по сравнению с синхронным обществом куро-аракской культуры выглядит гораздо более развитым с точки зрения движения в сторону социального неравенства, а, следовательно, и цивилизации. Так майкопские подкурганые захоронения, в отличие от коллективных погребений куро-аракской культуры, несут ярко выраженные черты социальной стратификации. Р. М. Мунчаев и Ш. Н. Амиров считают, что культурные навыки и престижные предметы переднеазиатского происхождения носители майкопской культуры получили не столько посредством куро-аракской культуры, где эта традиция представлена в редуцированном виде, сколько из другого источника. Эти контакты шли от наиболее северного деривата месопотамской культуры через группы «торговцев» из среды лейлатепинской культуры, которые контактировали в поисках металлического сырья на равнине, окружавшей Восточный Кавказ, с носителями как куро-аракской, так и майкопской культур. К моменту знакомства с материальной культурой переднеазиатского круга носители майкопской культуры Предкавказья имели развитое комплексное сельское хозяйство, где центральную роль играло животноводство (крупный, мелкий рогатый скот, козоводство) и земледелие. Они были знакомы с металлургией, имели доступ к рудным источникам и

производили избыточный общественный продукт, что позволяло часть его концентрировать в руках родовых лидеров. Это в свою очередь позволило ввозить предметы роскоши и заимствовать навыки производства. Особенно важным здесь является изготовление керамики на гончарном круге. Судя по керамическим формам, проникновение месопотамских культурных навыков на Северный Кавказ датируется концом IV — началом III тыс. до н. э. Среди принесенных в это время на Северный Кавказ инноваций, оказавших поистине эпохальное влияние на судьбы Евразии, докладчики отметили знакомство носителей майкопской культуры с колесным транспортом. Повозки, запряженные быками, принципиально изменили мобильность популяции майкопской культуры, хозяйственный уклад которой в значительной степени был связан с животноводством. Выделение в Закавказье пласта подкурганных погребений, объединенных наличием галечных вымосток и наборами инвентаря, находящим прямые соответствия в погребальном инвентаре майкопско-новосвободненской культурно-исторической общности Северного Кавказа, позволяет поставить вопрос о первом проникновении в Закавказье носителей погребального курганного обряда в конце IV — первой половине III тыс. до н. э. Среди наиболее ранних в Закавказье докладчиками были отмечены конкретные группы курганов с каменными вымостками в Азербайджане, Грузии, а также на территории Северо-Западного Ирана, южнее оз. Урмия. На территории Прикаспийской низменности Дагестана известен ряд местонахождений, тяготеющих к майкопскому (или постмайкопскому) кругу, все они датируются примерно до середины III тыс. до н. э. По мнению Р. М. Мунчаева и Ш. Н. Амирова, первые миграции носителей курганного обряда с Северного Кавказа через Дагестанскую низменность в Закавказье начались в течение первой половины III тыс. до н. э. и имели, вероятно, долговременный характер. Поскольку узкая полоса Прикаспийской равнины была достаточно плотно заселена носителями куро-аракской культуры, мигранты проходили путь в 150 км вдоль Восточного Кавказа довольно быстро. По этой причине наиболее ранние курганы здесь малочисленны. Зато на степных просторах Закавказья, вне зоны соприкосновения с куро-аракской культурой, зафиксированы многочисленные курганные группы этого времени. Для осмысления мотива первой волны миграции из степей Евразии сначала в Закавказье, а затем и Передний Восток в IV — первой половине III тыс. до н. э. авторы доклада обращают внимание на ана-

лиз климатической ситуации. Работы, проведенные в полосе «плодородного полумесяца» Северной Месопотамии, позволили установить, что в сравнении с исключительно гумидным климатом IV тыс. до н. э., от начала до середины III тыс. до н. э. наблюдалась картина прогрессирующей аридизации. На основании палеоклиматических исследований в Арало-Каспийском регионе установлено, что влажный теплый климат, характерный для IV тыс. до н. э., и здесь сменяется в течение III тыс. до н. э. на жаркий и сухой. Археологические материалы подтверждают и уточняют наблюдения, сделанные естественнонаучными методами. Так, позднехалколитическая лейлатепинская культура, распространенная в степях Закавказья в течение IV тыс. до н. э. и имевшая контакты с куро-аракской и майкопской культурами на протяжении последней трети IV тыс. до н. э., прекращает свое существование к началу III тыс. до н. э. Носители куро-аракской культуры, активно заселявшие на раннем этапе своей истории плоскость вдоль восточных отрогов Кавказа, на позднем этапе представлены редуцировано, что может быть связано с оттоком населения в сторону предгорий и горной зоны. На плоскости в Дагестане, в связи с депопуляцией, к середине III тыс. до н. э. оседло-земледельческие куро-аракские обитатели заменяются новым населением с новым хозяйственным укладом. В этом контексте следует рассматривать появление здесь курганов позднемайкопского круга, а также подкурганных погребений второй половины III тыс. до н. э. В это же время курганный обряд через Прикаспийскую равнину распространился на всей территории степного Закавказья вплоть до Анатолии и Ирана. Наиболее ранние курганы с материальной культурой, напоминающей древности эпохи ранней бронзы Предкавказья, охватывают значительные территории равнинного ландшафта Закавказья и Переднего Востока. Самой южной курганной группой, близкой майкопскому кругу древностей, являются курганы Си Гирдан на южном берегу оз. Урмии. Р. М. Мунчаев и Ш. Н. Амиров особо подчеркнули перспективность изучения курганных групп, тяготеющих к долинам основных водных артерий региона Аракса и Куры. Курганы вдоль русла Куры свидетельствуют, что погребальные памятники этого хронологического пласта тянутся в сторону истоков Куры. От верхнего течения Куры близко до долины Чороха, связанного с долиной Келькита (Ликос), выходящего непосредственно к руслу Кызыл-Ирмака (Галиса) и степям плоскогорья Каппадокии. Аналогичная картина наблюдается в долинах верхнего

течения реки Аракс и его притоков. Курганная группа у г. Талин указывает на перспективу исследования ранних курганов в Восточной Анатолии севернее оз. Ван и далее по направлению к плоскогорьям Центральной Анатолии. Когда в долинах рек Чороха и Келькита и в Каппадокийской степи будут обнаружены курганные памятники с погребальным обрядом близким новосвободненскому этапу майкопской культуры или более поздние (середины — второй половины III тыс. до н. э.), можно будет говорить о распространении единого культурного ареала (генетически связанного с Предкавказьем) на территорию этногенеза древнейших индоевропейских народов — несийского (хеттского) лувийского и палайского. Большинство исследователей сходится во мнении о присутствии индоевропейского субстрата в Каппадокии уже к середине — второй половине III тыс. до н. э. Ранние курганы Азербайджана, по мнению докладчиков, могут содержать ключ к разгадке предыстории этногенеза хеттского народа.

Насыщенно прошло вечернее заседание первого дня конференции. Оно началось с выступления представителя департамента древностей провинции Хасеке САР Абдельмасиха БАГДУ «Новейшие археологические работы в Хасеке (Сирия)». Докладчик отметил, что за последние 30 с небольшим лет в сирийской Дездеире проведены беспрецедентные по масштабам и хронологическому охвату археологические работы. В отдельные годы здесь функционировало более 25 международных экспедиций, охвативших своими исследованиями буквально каждый микрорайон долины Хабур. Были организованы не только широкие стационарные исследования значительной группы разновременных памятников древности (от эпохи палеолита до исламского периода), но проведены также специальные охранные раскопки подвергающихся разрушению культурных объектов и масштабные разведочные работы. В Северо-Восточной Сирии исследованы выразительные серии памятников хассунской, халафской, убейдской и урукской культур, характеризующих все важнейшие этапы развития дописьменной Месопотамии. Здесь открыто уже 5 поселений докерамического неолита, 8 относящихся к Хассуне, 16 к Халафу, 18 к Убейду и 25 к Уруку. Комплексы раннединастического (I—III) периода исчисляются многими десятками и убедительно доказывают насколько активно протекал культурно—исторический процесс в сирийской Дездеире в III тыс. до н. э. Особо подчеркивалось, что в памятниках Северо-Восточной Сирии выявлено немалое количество древнейших пись-

менных источников в виде клинописных табличек. Благодаря обнаруженным здесь клинописным данным удалось определить названия целого ряда древних городов, локализуемых в долине Хабур¹. Докладчик отметил, что пик освоения хабурской степи пришелся на первую половину III тыс. до н. э., в раннединастический период. Об этом свидетельствуют культурные слои более 40 обследованных памятников изучаемого региона. В аккадское время число памятников уменьшилось почти до половины. Новый пик освоения сирийская Дездеира пережила в исламское время, но монгольское нашествие и не благоприятные условия для жизни в оттоманской империи привели к её опустошению. Жизнь вернулась сюда только в начале XX века. К сожалению, политические события последних двух лет приостановили работу большинства археологических миссий на территории САР.

Выступление еще одного сирийского коллеги С. АБД-ЭЛЬ ГАФУРА «Эко-археологический парк Уркеша» представило интересный опыт поддержки интереса у местного населения к историческому прошлому своего региона через распространение знаний об истории и значении Уркеша, создание лучших условий жизнедеятельности экосистемы, функционировании центров обучения традиционным ремеслам с перспективой создания здесь в будущем этно-археологического музея под открытым небом. Такая работа осуществляется в окрестностях Телля Мюзан местной администрацией при содействии американских археологов, исследующих памятник, и служит своеобразным опровержением известного заключения о том, что раскопки непременно являются уничтожением, разрушением археологического объекта.

Доклад Марии Всеволодовны ДОБРОВОЛЬСКОЙ и Марии Борисовны МЕДНИКОВОЙ «Антропологические материалы из погребений Телль Хазны: био-археологические подходы и исследования» рассматривал скелетные данные, собранные на протяжении 23 полевых сезонов, как независимый исторический источник в изучении древнего населения и особенностей погребальной практики. Погребения на Хазне датируются IV—III до н. э. Большая часть из них относится к первой трети III тыс. до н. э. Проведенные половозрастные определения позволили оценить демографическую спе-

¹ Подробнее тема изложена в канд. диссертации А. Багду «История археологического изучения Северо-Восточной Сирии» (Москва, 2009), автореферат см.: archaeolog.ru/media/avtoreferaty/Bagdu.doc

цифику группы. Более 80% всех индивидов — это дети, половина численности которых представлена младенцами и детьми в возрасте до 4 лет. Аналогичная картина была получена для погребений энеолита и ранней бронзы Телль Брака. М. В. Добровольская и М. Б. Медникова отметили значительные различия среднего возраста смерти мужчин (35,5 лет) и женщин (29 лет) Телль Хазны, что типично для земледельческих популяций эпох раннего металла. Многочисленные случаи патологических проявлений на костях черепа и посткраниального скелета детей позволили предполагать, что основные причины высокой детской смертности связаны с распространением тяжелых инфекционных заболеваний и развитием авитаминозов. Изучение динамики ростовых процессов у детей с Телль Хазны выявило, что первый ростовой скачок был связан с возрастом после трех лет. М. В. Добровольская и М. Б. Медникова склонны считать, что ускорение ростовых процессов было связано с успешным переходом детей на взрослый тип питания. Краниметрические измерения, полученные при исследовании материалов, крайне фрагментарны и не формируют представительную группу. Измерения четырех неполных черепов дали основания предполагать, что группа представлена долихокранными массивными морфологическими вариантами. По мнению акад. В. П. Алексеева, аналогичные варианты были распространены в эпоху раннего металла на территории Малой Азии, Месопотамии, Южного Кавказа. Палеоэкологические исследования показали, что условия жизни женщин были менее благоприятными. Это проявляется в существенных различиях в среднем возрасте смерти и частотах встречаемости маркеров физиологического стресса. На скелетах мужчин и женщин обнаружены многочисленные свидетельства значительных физических нагрузок. Характер износа суставов типичен для земледельческого населения. Полученные данные позволили М. В. Добровольской и М. Б. Медниковой сделать вывод о том, что люди, погребенные на Телль Хазне, имели отношение к группе населения, занимавшейся сельским хозяйством, в среде которой были часты эпидемические заболевания, а также эпизоды недостаточного или неполноценного питания.

Доклад Е. Е. АНТИПИНОЙ и Е. Ю. ЛЕБЕДЕВОЙ «Археобиологические исследования на Телль Хазне I (IV—III тыс. до н. э., Хабурская степь)» рассматривал палеозоологические и палеоботанические материалы, полученные российскими учеными, в сопоставлении с данными восьми синхронных Телль Хазне памятников долины Хабур — Телль Брака,

Телль Лейлана, Телль Рака'йи, Телль Атиджа и Телль Кермы, Телль Бейдара, Телль Бдейри и Телль Арбида².

В выступлении М. В. АНДРЕЕВОЙ «„Небесные капли“: к вопросу о поисках ранних следов индоиранского культа Сомы/Хаомы в археологических источниках» отмечено, что вывод о присутствии индоиранцев в южном, степном регионе Восточной Европы по крайней мере начиная с III тыс. до н. э., полученный на основе главным образом лингвистических данных (работы В. И. Абаева и Э. А. Грантовского), за прошедшие десятилетия обрел статус общепризнанного мнения. Споры вызывают попытки соотнесения археологических культур, распространенных в этом регионе и изучаемых, как правило, по погребальным памятникам, с последовательно распадавшимися этнолингвистическими общностями — арийско-греко-армянской, индоарийской и иранской, западно- и восточноиранской. Особое место в поисках этих соответствий занимает сюжет о культе бога Сомы/Хаомы, точнее — о жертвоприносительном ритуале (как он восстанавливается по текстам «Ригведы» и «Авесты»), который включал в себя приготовление из сока растения «сомы», обладавшего психоактивными свойствами, «напитка бессмертия» («амриты»). Несмотря на то, что гимны Соме-Павамане не дают представления о строгой последовательности ритуальных действий, тексты IX мандалы «Ригведы» позволяют реконструировать порядок основных моментов. Особая природа индоиранского божества (деифицированное растение), упоминание используемых в ритуале орудий и предметов и, наконец, сама направленность действия на преодоление смерти, на «опытное» переживание бессмертия — все это побуждает искать в степных курганах эпохи бронзы следы культа Сомы/Хаомы. Основная трудность, с которой сталкиваются исследователи, состоит либо в полной «безынвентарности» погребений, либо в отсутствии в могилах орудий (посуда встречается гораздо чаще). Лишь в катакомбную эпоху число находок орудий из бронзы, камня и кости начинает расти, достигая максимума в финальнокатакомбное время (средний бронзовый век, вторая половина III тыс. до н. э. согласно калиброванным радиоуглеродным датам). В манычской катакомбной культуре, занимавшей степную территорию от Левобережья Нижнего Дона до Калмыкии, доля комплексов с каменными орудиями и предметами составляет

² Подробно текст доклада см. на официальном сайте ИА РАН: <http://www.archaeolog.ru/index.php?id=299>

около 20%, причем эти артефакты нередко встречаются в сочетании друг с другом.

Опираясь на данные 58 восточноманычских (Ставрополье и Калмыкия) комплексов с пестами и/или ступками, а также на исследование 45 западноманычских (Донское Левобережье) погребений с этими артефактами, М. В. Андреева приходит к заключению, что по частоте встречаемости каменные орудия выстраиваются в ряд: 1) песты различных форм; 2) ступки (как с углублением, так и в виде плоских камней-галек); 3) «выпрямители древков» (прямоугольные песчаниковые плитки с полукруглым сечением и продольным желобком посередине плоской грани; предназначались, вероятно, для ошкуживания тонких ветвей). На возможность использования пестов для выжимания Сомы неоднократно указывал Л. С. Клейн, обосновывая гипотезу о принадлежности катакомбных памятников индоариям. Однако, согласно Ригведе, камни для выжимания (*граван*) должны быть парными, поэтому, по мнению М. В. Андреевой, стоит обратить особое внимание на комплексы, где песты и ступки встречены вместе. Заметна повышенная концентрация пестов и ступок в погребениях с престижными бронзовыми орудиями — крюками, теслами, долотами, иглами. Вместе с тем среди маньчских комплексов с пестами и ступками выделяется небольшая группа явно неординарных погребений без бронзовых раритетов. О выдающемся статусе погребенных людей в этом случае говорят большие размеры могильных сооружений, позиция в курганах (основные и впускные с досыпкой насыпи погребения) и наличие следов жертвоприношений крупного рогатого скота. В этих погребениях песты вместе со ступами находились во входных шахтах катакомб, или содержавших деревянную повозку, или представлявших собой «архитектурную модель» повозки. Особое внимание привлекает и присутствие в «экстраординарных» комплексах глиняных *воронок*. Предположительно, воронка использовалась как *цедилка*, точнее — как твердая основа цедилки, в которую вкладывался фильтр. Учитывая контекст, М. В. Андреева соглашается с Л. С. Клейном, связавшим катакомбные воронки с ведийскими *павитри* — цедилками из овечьей шерсти, через которые Сомы стекали в приготовленные деревянные сосуды. Следы деревянной посуды изредка фиксируются в престижных маньчских погребениях.

В итоге, как считает М. В. Андреева, ситуацию с положенными в повозку наборами орудий можно сопоставить (несмотря на разделяющие эти столь разноприродные памятники время и пространство

и архаичную тяжеловесность катакомбных повозок, не сравнимую с легкостью и быстротой ведийских колесниц) с ритуалом жертвоприношения Сомы, восстанавливаемом по текстам гимнов Ригведы. Проверка правильности предположительной интерпретации рассмотренного набора орудий в катакомбных погребениях станет возможной только в результате проведения тщательных и разносторонних лабораторных анализов материалов из вновь открытых памятников.

Выступление А. Н. Гея было посвящено рассмотрению проблем колесного транспорта в культуре и обрядах степных скотоводов эпохи бронзы. Основным районом концентрации находок древнейших колесных транспортных средств (повозок на сплошных дисковидных колесах), относящихся к раннему и среднему периодам бронзового века (2-я половина IV—III тыс. до н. э.), была и остается степная полоса европейского Юго-Востока (от Урала до Дуная). В сводке Е. В. Избицер (1993) было учтено 248 таких находок. А. Н. Гей отметил, что к настоящему моменту число их выросло до 300. Наибольший прирост зафиксирован на Ставрополье и на Нижнем Дону, расширился сам ареал (Приуралье, Волго-Донское междуречье, Средний Днепр). Все находки происходят из погребальных памятников — целые и разобранные повозки помещались в могилы (ямы, катакомбы), на перекрытия камер или во входные шахты, рядом с могилами и даже в насыпи курганов без видимой связи с определенным захоронением. Судя по наиболее целым, хорошо сохранившимся (и неплохо раскопанным) образцам в большинстве случаев речь идет о крупных четырехколесных повозках без поворотного устройства. Кузов их имеет сложную решетчатую конструкцию, верхний уровень которой образует широкую платформу с 3 или 4 выступами, скорее всего основание крытого фургона, известного нам по глиняным моделям. Наиболее вероятное назначение таких фургонов — передвижное жилище скотовода, перемещающегося вместе со стадами. Вероятность использования для погребений иных типов колесных экипажей (двухколки, небольших повозок с вертикальными бортами или специальными сидениями) пока только обсуждается в связи с некоторыми необычными находками (Ипатовский курган и др.). В отличие от первой разновидности такие находки происходят только из катакомбных могил эпохи средней бронзы (приблизительно XXVIII—XXIII вв. до н. э.). Особенности устройства самих повозок-фургонов, анализ различных форм и признаков погребального обряда, а также особенностей и эволюции форм

погребальных сооружений степных курганных культур, по мнению А. Н. Гея, позволяют с большой долей вероятности утверждать, что идея могилы-жилища, причем именно специфического подвижного жилища, характерного для данной зоны и данного типа хозяйства, реализовалась на практике не только путем сопровождения умершего родича настоящей повозкой или ее деталями, но и целым рядом действий символического характера. К ним относятся:

- уподобление самой могилы жилищу-повозке (от раскладки колес по углам или краям ямы до уподобления фургону-кибитке камеры катакомбы и даже всей катакомбной конструкции);
- воспроизведение деталей интерьера жилища повозки (оформление стенок могилы, использование жаровен как специального отопительного устройства);
- вероятное повторение в коллективных захоронениях правил размещения обитателей внутри фургона на своих спальных местах (наиболее яркий пример — так называемая схема «трех постелей» с двумя параллельными костяками и третьим, уложенным перпендикулярно в ногах или головах этой пары);
- имитация присутствия повозки путем специфических «инсталляций» внутри могильного сооружения (изготовление дисковых колес из глины, создание специальных углублений для колес по углам камеры или параллельных канавок в дне для колес, осей, дрог, выкладывание подобия кузовов из незакрепленных брусьев и т. д.);
- имитация тягла-запряжки (специфические жертвенники из черепов и конечностей рогатых или комолых бовидов);
- наконец, формирование особых кольцевых кладбищ (замеченных еще А. Хойслером) из отдельных «могил-фургонов», воспроизводящих наиболее простую и естественную форму крааля номадов.

Учет этих и подобных случаев, считает Александр Николаевич, позволяет говорить о том, что представление о потустороннем мире и загробном существовании как некоем пастбище — Элизиуме, где тени или души существуют в условиях, во многом близких прижизненным, имело широчайшее распространение в целом ряде культур бронзового века. Наиболее ранние признаки его отмечены в степной новосвободненской культуре и (поздних?) майкопских памятниках (Новокорсунская, Колдыри, Марьинская 5). Широкое распространение связано с ямной общностью, новотиторской куль-

турой и ее аналогами в Причерноморье, различными культурами катакомбной общности. Определенные и достаточно выразительные соответствия находятся в некоторых культурах шнуровой керамики (среднеднепровская, злотская) на северо-западе, культуре Марткопи-Бедени и производной от нее триалетской на юге, афанасьевской и более поздней елунинской на востоке. Отзвуки и переживания данного комплекса представлений заметны в срубно-абашевской и андроновской среде и, возможно, даже вплоть до финала эпохи бронзы. Совпадение этого списка с тем, который фигурирует при рассмотрении наиболее вероятных индоевропейских миграций, вряд ли можно признать случайностью. Как подчеркнул докладчик, констатация существования цельного комплекса, включающего выразительную мифологию и свод вытекающих из нее обрядовых норм, у целого ряда вероятных индоевропейских культур, ориентирует на дальнейший поиск ее дериватов или пережитков в археологических и этнографических материалах, а также в фольклоре позднейших индоевропейских народов (что интересно прежде всего для проблемы всеобщей или избирательной связи их с т. н. «степной прародиной»). По мнению А.Н. Гея, уже сейчас могут быть намечены вероятные следы «повозочного комплекса» в некоторых гальштатских материалах Центральной Европы, культурах раннего железного века Средней Азии (иранцы-саки?) (откуда они могли попасть и к позднейшим номадам — тюркам), а также в погребальных ритуалах некоторых славянских групп. Дальнейшие поиски в этом направлении кажутся вполне перспективными.

Обозначенный в программе конференции доклад Е. Е. КУЗЬМИНОЙ «Индоевропейская проблема в свете новейших археологических данных», к большому сожалению, по объективным причинам не состоялся.

Вместе с тем, сверх заявленных в программе первого дня конференции выступлений прозвучал весьма интересный доклад А. А. НЕМИРОВСКОГО «Умман-манда месопотамских текстов и ранние представления Месопотамии о дальнем Севере». Докладчик отметил, что термином «умман-манда» месопотамцы более полутора тысяч лет, начиная со старовавилонского периода, обозначали различные народы и группы своего настоящего и своего исторического прошлого. Не разрешенная пока проблема этого выражения заключается в том, что оно используется в нескольких значениях со своеобразным распределением. С одной стороны, оно могло употребляться в обобщенном смысле с

доминирующим смысловым компонентом «некие опустошительные варварские группы, вторгающиеся издалека, из отдаленных / периферийных / варварских регионов». С другой стороны, этот же термин время от времени становился вполне конкретным наименованием (фактически этнополитонимом) определенных групп населения, общин и политических образований Ближнего Востока, причем названное конкретное использование оставалось весьма редким, ограниченным лишь несколькими случаями. А. А. Немировский дал подробный обзор различных употреблений этого термина в клинописных источниках. В итоге он пришел к выводу, что в качестве конкретного этнонима слова «умман-манда» для носителей клинописной традиции старовавилонского и ближайшего последующего периода обозначали как некий реальный или вымышленный варварский народ, столкновения с которым приписывались древним Эн-Меркару и Нарам-Сину, так и определенные современные им группы населения, распространенные на Верхнем Евфрате и в смежных регионах, связанные с такими фигурами как Залудис и Парраттарна. По мнению А. А. Немировского, они соотносимы с переднеазиатскими (в том числе миттаннийскими) ариями того времени. Позднее термин «умман-манда» также использовался как конкретный этноним (правда, уже «высокого стиля») для киммерийских пришельцев, вторгшихся с Северного Кавказа, и сил Мидийской «империи» от Аракса до Ирана. Во всех известных случаях термин «умман-манда» применялся как (квази)этноним только к группам, ассоциируемым с севером и транс-загорским дальним северо-востоком, т. е. не ко всем «отдаленным, периферийным варварам», а только к тем из них, кто ассоциировался с лежащими на самом краю или за краем известной ойкумены регионами, и при этом не во всяком, а именно в северном и северо-восточном направлении — иными словами, по ту сторону макрорегионов Наири и Гутиума и областей маннеев и «доимперских» мидян (ко всем ним термин «умман-манда» никогда не применяется). По мнению докладчика, термин «умман-манда» соотносится только и именно с Северным Кавказом — Восточным Закавказьем (и, возможно, далее в иранский Азербайджан): это северный — северо-восточный край мира для древней Месопотамии. В старовавилонский период месопотамцы столкнулись с некими мигрантами с отдаленнейшего Севера и именовали их «умман (отряды, полчища, организованные группы) манда» (слово «манда» было скорее всего либо их самоназванием, либо экзоэтнонимом, который аккадцы сконструировали для них сами или переняли у кого-то). Группы этих мигрантов обитали в бассейне Верхнего Евфрата и соседних регионах, и, судя по возможной индоиранской этимологии имени Залудиса и по тексту Идрими, относились к переднеазиатским (resp. «миттаннийским») (индо-)ариям того времени (предположение ранее высказывалось Б. Грозным и Э. Форрером). Указанные арии засвидетельствованы ономастикой от Сирии — Палестины до Миттани, а прибыли с Кавказа (как следует, с одной стороны, из реконструкции О. Н. Трубачевым индоарийской прародины в регионе Кубани, а с другой — из направления археологически прослеживаемой цепи миграций около рубежа III—II тыс. от Кавказа на восток вплоть до бассейна Инда), что согласуется с их соотношением с реальными группами «умман-манда» письменных источников XVIII—XV/XIII вв. Затем, под впечатлением от этих реальных групп «манда», пришедших с дальнего Севера, месопотамцы именовали «группами / воинствами манда» некоторые другие «варварские» общности, появившиеся с той же стороны (или ассоциируемые с такими мигрантами), а также употребляли это выражение в соответствующем обобщенном смысле. Помимо этого, те же старовавилонские писцы, носители ученых сведений, полагали, что существовал определенный народ, сталкивавшийся с Эн-Меркаром и Нарам-Сином, и по какой-то причине связывали этот народ с реальными пришлыми «манда» своей эпохи, именовали и этих древних противников «умман-манда». Существовали ли эти легендарные противники Эн-Меркара и Нарам-Сина в реальности, или они были выдумкой других писцов того же или более раннего времени? И если существовали, то ошибочно или правомерно месопотамская традиция первой половины — середины II тыс. до н. э. соотнесла их с современными ей «манда» и поименовала по последней? Дальнейшие обсуждения, очевидно, смогут пролить свет на эти вопросы. А. А. Немировский же указал на то, что позднемайкопско-новосвободненская культурная традиция и ближайшие потомки ее носителей по своей датировке, географическому положению, вероятной (хотя бы частичной) индоевропейской этничности, использованию некоторых месопотамских артефактов и мотивов представляются хорошими предварительными кандидатами на соотношение с древними «умман-манда» времен Эн-Меркара — Нарам-Суэна, упоминающимися в клинописных сочинениях II—I тыс. до н. э.

нотонимом, который аккадцы сконструировали для них сами или переняли у кого-то). Группы этих мигрантов обитали в бассейне Верхнего Евфрата и соседних регионах, и, судя по возможной индоиранской этимологии имени Залудиса и по тексту Идрими, относились к переднеазиатским (resp. «миттаннийским») (индо-)ариям того времени (предположение ранее высказывалось Б. Грозным и Э. Форрером). Указанные арии засвидетельствованы ономастикой от Сирии — Палестины до Миттани, а прибыли с Кавказа (как следует, с одной стороны, из реконструкции О. Н. Трубачевым индоарийской прародины в регионе Кубани, а с другой — из направления археологически прослеживаемой цепи миграций около рубежа III—II тыс. от Кавказа на восток вплоть до бассейна Инда), что согласуется с их соотношением с реальными группами «умман-манда» письменных источников XVIII—XV/XIII вв. Затем, под впечатлением от этих реальных групп «манда», пришедших с дальнего Севера, месопотамцы именовали «группами / воинствами манда» некоторые другие «варварские» общности, появившиеся с той же стороны (или ассоциируемые с такими мигрантами), а также употребляли это выражение в соответствующем обобщенном смысле. Помимо этого, те же старовавилонские писцы, носители ученых сведений, полагали, что существовал определенный народ, сталкивавшийся с Эн-Меркаром и Нарам-Сином, и по какой-то причине связывали этот народ с реальными пришлыми «манда» своей эпохи, именовали и этих древних противников «умман-манда». Существовали ли эти легендарные противники Эн-Меркара и Нарам-Сина в реальности, или они были выдумкой других писцов того же или более раннего времени? И если существовали, то ошибочно или правомерно месопотамская традиция первой половины — середины II тыс. до н. э. соотнесла их с современными ей «манда» и поименовала по последней? Дальнейшие обсуждения, очевидно, смогут пролить свет на эти вопросы. А. А. Немировский же указал на то, что позднемайкопско-новосвободненская культурная традиция и ближайшие потомки ее носителей по своей датировке, географическому положению, вероятной (хотя бы частичной) индоевропейской этничности, использованию некоторых месопотамских артефактов и мотивов представляются хорошими предварительными кандидатами на соотношение с древними «умман-манда» времен Эн-Меркара — Нарам-Суэна, упоминающимися в клинописных сочинениях II—I тыс. до н. э.